

Кутузова Елена

На острие

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Е50

Елена К.

На острие / К. Елена — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 269 с.

ISBN 978-5-5321-0285-9

Двумя взмахами меча он разрушил мою жизнь. Стоя над телами родителей, я поклялась отомстить, чего бы мне это ни стоило. И если придется опуститься на самое дно Трущоб, я это сделаю. А потом поднимусь на самый верх и тот, кто растоптал меня, ответит за все. Даже если мне придется узнать, что от самой жгучей ненависти до любви - один шаг. В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений depositphotos. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0285-9

© Елена К., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Свеча выхватывает обрывки картины: похожий на змею дракон в окружении экзотических цветов.

Интересно, такие бывают на самом деле, или художник приукрасил?

Обвожу контур кончиком пальца, едва касаясь, чуть-чуть, на грани, но мужчина вздрагивает. Он ждал чего угодно, но только не того, что я стану любоваться его татуировкой.

Да мне и хочется... другого.

Гнев, ярость, боль прошлого – они никуда не исчезли, только подернулись пеплом времени, словно догорающие угли. Но пока не остыли, и не стоит торопиться, ведь месть – это блюдо, которое нужно подавать холодным.

Где я услышала эту фразу? Кто знает, только сейчас, стоя за спиной мужчины, снова убеждаюсь в её мудрости.

Пламя трепещет, когда я наклоняю свечу. Расплавленный воск расплзается по коже кляксой. Мне не нравится форма, приходится добавлять еще, и еще, и еще, пока он не стекает каскадом по вздрагивающей спине.

Отступаю, чтобы полюбоваться.

Дракон уже не кажется таким милым – распахнутую пасть заливают кровь. Ну что поделать, если свеча оказалась из красного воска? Хорошо получилось... Правда не так, как если бы это была настоящая кровь...

Как на полу моей квартиры.

Боль возвращается. И тоска. И отчаяние. Хочется вонзить ногти и содрать кусок кожи, до мышц, а потом уже поливать воском их...

Останавливаю порыв, напоминая себе: месть – это блюдо, которое подают холодным. Оно готовилось слишком долго, потом выдерживалось на льду... Я потратила много времени и терпения, чтобы позволить себе испортить изысканный вкус.

Поэтому просто провожу пальцем вдоль алой полоски, чувствуя тепло воска. Ниже, ниже...

Руки, опутанные веревкой, напрягаются. Я проверяю узлы: идеальные, красивые... Ставлю свечу на пол и отступаю, чтобы полюбоваться картиной целиком.

Мужчина на коленях. Нет, не так. Мой враг – на коленях. Связанный. Беспомощный. И не смеет даже кричать.

Идеально!

– Поверни голову!

Шепот теряется в глубине огромной комнаты. Но он услышал и подчинился.

Даже это простое движение далось ему нелегко: плечи напряглись, словно мужчина пересиливал себя.

– Выше!

Мужчина снова слушается, хотя спина уже деревянная. Чувствую, с каким бы наслаждением он вскочил на ноги и сомкнул пальцы на моей шее. Вон как вонзил их в собственные предплечья, наверняка останутся синяки.

На миг задумываюсь и прихожу к мысли, что мне это нравится.

И тут же пугаюсь: в кого я превратилась? Я, та, что могла проплакать полдня над мертвой бабочкой, своими руками мучаю человека?

Обрываю неправильную мысль: не человека. Убийцу. Тварь, которая отняла у меня все.

Подхожу тихо-тихо, осторожно ступая босыми ногами. Мужчина услышал и напрягся. Говорят, у слепых обострен слух, может, дело в этом?

Черная повязка на глазах мешает моей жертве видеть. И мне нравится то, как он прислушивается к каждому шороху, как пытается предугадать...

Внизу живота становится тепло. Предвкушение – лучшая из прелюдий, а эту придумываю я сама. И отбрасываю мысль заткнуть мужчине еще и уши. Торопиться некуда, времени достаточно... Не стоит отказывать себе в удовольствии провести своего врага по собственным следам. Он испытает все, что испытала я.

– Тебе нравится? – очередная капля воска падает на середину цветка, добавляя яркости краскам.

– Все, что угодно моей госпоже...

Голос... Кажется, я сейчас сойду с ума. Низкий, чуть хрипловатый и прерывающийся... Не от боли или возбуждения. От гнева.

Враг вынужден подчиниться, и сдерживает его не шелковый шнур, обвивший тело, а долг.

– Ты же понимаешь? – шепчу в самое ухо.

По спине мужчины пробегает судорога. Он чуть выгибается... и это движение не может меня обмануть.

Обхожу кругом, подношу свечу сначала к лицу, любуюсь на острые скулы, крепко сжатые челюсти, скользю взглядом по смуглой коже. Грудь пересекают несколько шрамов, но меня интересуют не они и не плоский живот.

– Выпрямись!

И снова эти несколько секунд борьбы с самим собой. Они заводят больше, чем все остальное. И не только меня...

Почему-то хочется, чтобы он почувствовал, куда я сморю. На рвущийся из штанов член.

Я столкнулась с ним в дверях кафе, куда мы с подружкой забежали после школы, чтобы слопать по пирожному.

Огромный, на целую голову выше меня, в идеально сидящем костюме из последней коллекции Керуо. Мы только сегодня её рассматривали – Санька притащила в школу журнал, который ей дали почитать «до вечера».

Все это я отметила в один миг, а потом до сознания дошла маленькая, но очень важная деталь: в левой руке этот потрясающий мужчина сжимал меч. Тонкий и чуть изогнутый, с оплеткой на длинной рукояти.

Что саро делает в простой забегаловке, меня уже не интересовало, потому что правая рука потянулась к оружию.

Бежать было чревато, но остаться значило умереть. Я нашла в себе силы и на подгибающихся от ужаса ногах сумела проскользнуть мимо мужчины, едва не вписавшись в стеклянную дверь, и припустила по улице.

Сзади слышался топот. То, что это всего лишь стучит в висках кровь, догадалась не сразу. И решила оглянуться.

Погони не было. Похоже, саро нашел меня недостойной внимания. Или опешил от такой наглости: какая-то девчонка не только не

отступает с дороги, но еще и толкается вместо того, чтобы принести извинения!

Извинения в мире Клана были всем. Нас с детства учили уступать дорогу, опускать взгляд и извиняться. Стоило обидеть кого-то из Высших, и расплатой становилась смерть. Они же не просто так эти свои мечи таскают! Говорят, даже спят с ними, на всякий случай: вдруг придется самоубиться.

Уф, сегодня удача явно на моей стороне и, поправив на плече школьный рюкзак, я нырнула в дыру в заборе, потому что домой не тянуло.

Ну кому в такой солнечный весенний день захочется сидеть за уроками? Я их и вечером сделаю, а пока хоть не буду слушать нравоучения. Родители каждый день напоминали, что меньше, чем через год меня ждет Экзамен и нельзя упускать время!

Наверное, они были правы: обучение стоит дорого, не у всех находятся деньги на то, чтобы получить хорошее образование. Мне светил только местный колледж, а после, если повезет, работа на предприятии одним из крохотных винтиков гигантской машины корпорации. Должности получше оставались для деток богатых и влиятельных семей.

И для выпускников Университета.

Раз в год это учебное заведение устраивало Экзамен, принять участие в котором мог любой желающий от восемнадцати до двадцати одного года. Трое лучших обучались за счет государства и после могли сами выбирать работу – приглашения приходили пачками. Еще десятерых спонсировали корпорации. Они оплачивали учебу и содержание, получая высококлассных специалистов.

Так что конкуренция была огромной, и готовиться приходилось серьезно.

Я мыслей родителей об Университете не разделяла. Конечно, училась хорошо, даже в языковых олимпиадах участвовала, но рискнуть на экзамене? Ну уж нет! Родители могут верить во что угодно, хоть в розовых единорогов, но я себя лучше знаю. Провалю первый же этап! А значит, зачем терять время? Особенно молодость!

Железный прут, обычно подпирающий дверь подвала в полуразрушенной заброшке, стоял прислоненный к стене. Справа от входа и чуть наискосок. Значит, внутри все свои. Может, и Ларс там?

Он сидел в продавленном кресле, листая бумажную книгу. И где только достал? Пусть потрепанная, с пожелтевшими страницами, с обложкой, заляпанной чем-то жирным, но – редкость.

– Что это? – подскочила сзади, обняла за плечи и шею, вдохнула его запах – сложная смесь городской пыли, табака и чего-то еще, сладко-дурманящего.

– Комикс! – Ларс отстранился, чтобы показать рисунок. – Едва уговорил Роко уступить.

Что-что, а уговаривать он умел. Недаром считался в нашей компании лидером. А еще Ларс был моим парнем! Родителям это очень не нравилось, но кто дал им право вмешиваться в мою жизнь? Мне уже семнадцать, меньше, чем через год я стану совершеннолетней и никто не посмеет указывать, что делать и кого выбирать.

Но пока нужно слушаться. Потом тоже, все-таки я люблю и маму, и папу. Поэтому жечь мосты не собираюсь. Просто поищем компромисс!

– Куда идем? – мне очень хотелось усесться Ларсу на колени, но сейчас он обнимался с новым комиксом, значит, место занято. Поэтому устроилась рядом, на стуле с высокой спинкой.

– Пока никуда, а после – в ночной клуб.

– Нечестно! – возмутилась я. – Меня туда не пустят!

– И правильно сделают! Тебе еще в Колледж поступать, нельзя светиться в этих забегаловках.

Вот почему родители не любят Ларса? У них же даже взгляд на мое будущее совпадает! Колледж, не меньше!

– Не пойду на Экзамен!

– Куда ты денешься! – Ларс перевернул страницу. – В наше время нужно иметь стабильную работу, иначе глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в Трущобах.

При упоминании о страшном районе, где властвовали саро, тени в углах словно сгустились.

– Не будем о плохом! Может, прогуляемся? – сидеть в полутемном подвале, когда на улице светит солнце, а на небе ни облачка, настоящее преступление! Почти такое же, как отвлекать Ларса от комикса.

– Я хотел поработать! – он кивнул на блокнот и несколько карандашей.

– Ну Ларс!

– Тем, кто не имеет достаточно мозгов, чтобы решиться на Экзамен, приходится пробиваться самостоятельно!

Ларс мечтал стать известным художником комиксов. И, хотя его историй ждал весь район, он считал, что рисует недостаточно хорошо, чтобы принять участие в конкурсе.

– Мозгу нужен кислород! И отдых! Иначе он не сможет работать! – я отняла карандаш и блокнот. – Так что идем гулять!

Встреча в кафе совершенно вылетела у меня из головы. Было бы о чем помнить!

День пролетел незаметно. Солнце скрылось за горизонтом, небо потемнело, но на это никто не обратил внимания, потому что город сиял огнями, и тут было светло в любое время суток.

– Сгоняем в «Аврал»? – предложил Ларс остальным.

– Говорила же, что нельзя! – возмутилась я.

– А тебя и не зовем, маленькая еще! – Ларс шелкнул по козырьку кепки, натягивая её мне на нос. – Беги домой, малявка. И учись как следует!

Вот это было обидно!

А ребята уже подходили к ведущим в подвал ступенькам ночного клуба. Охранник скользнул сканером по запястьям, считывая с чипа возраст, и махнул рукой, пропуская. Я осталась снаружи, не зная, обижаться на Ларса или восхищаться. Решила – второе. Он же хочет, чтобы я поступила в Университет! Сару и Кори не прогнал, об их репутации ему заботиться незачем!

Над головой вспыхнул рекламный экран. Диктор привычно напомнил о комендантском часе для несовершеннолетних – появляться на улице после одиннадцати вечера без сопровождения опекунов не разрешалось. Цифры на заднем плане мигнули, начиная обратный отсчет – у меня осталось чуть больше полчаса.

Успею!

Срезая путь через подворотни, ныряя в дырки в заборе, удивилась, что за весь вечер никто не позвонил. Ни мама, ни папа. Обычно чуть задержусь, и коммуникатор начинает разрываться от сообщений. Правда, из кафе я написала, что пойду к подружке делать физику, с которой не могла разобраться самостоятельно. Наверное, поверили?

Дом встретил сиянием окон. Снизу было невозможно разглядеть свои, но знала – они мягко светятся, маня в тепло и уют квартиры. Мама, наверное, напекла к ужину печенья, и мы будем говорить обо всем. А потом разойдемся по своим делам: мама заканчивать какой-нибудь срочный заказ, папа – мыть посуду, а я засяду за уроки.

Двери лифта разъехались с легким шипением. Щелкнул замок, среагировав на отпечаток пальца.

В квартире царила тишина. И темнота.

– Я дома!

Отзываясь на звуки голоса, под потолком загорелась лампочка. И я чуть было не выскочила обратно за дверь: по полу рассыпались осколки зеркала вперемешку со всякими мелочами, которые всегда лежали на узкой консоли, ключами, проездными жетонами и стикерами для быстрых записок.

– Мам?

Никто не ответил, и я, не разуваясь, сделала первый шаг.

Под ногами захрустело стекло. Так громко, что показалось, слышно даже на улице. Я замерла, а потом рванула в комнату.

В огромное – от пола до потолка – окно врвался свет софитов и рекламных щитов. Обычно его отсекали тяжелые занавески, но сейчас они не были задернуты. А на полу...

– Мама? – не поверила собственным глазам. – Пап?

Кровь уже застыла, превратившись в липкое желе. Я долго не решалась наступить в темную лужу, но не подойти к неподвижным телам не смогла.

– Пап? – позвала еще раз, понимая, что он не ответит – через всю спину тянулся длинный порез, перебивший позвоночник.

У мамы было перерезано горло, а в руках она сжимала длинный, тонкий клинок. Точно такой же, как носили саро. Откуда он у неё? И что здесь произошло?

Тихие шаги отдались в ушах набатом. Не думая, я выхватила из материнских рук меч и выставила перед собой.

– Кто здесь?

Шаги прекратились, а вспыхнувший свет на мгновение ослепил и меня, и убийцу.

Я пришла в себя первой – все-таки глаза уже привыкли к рекламным софитам, заливающих комнату, а вот преступник вышел из темноты.

Короткая стрижка. Наглый, чуть кошачий прищур темных глаз. Костюм от Керуо. И тонкий клинок в правой руке.

– Ты! – воскликнули одновременно.

Не знаю, почему я успела среагировать первой. Наверное, помог адреналин, говорят же, что в экстремальных ситуациях человек способен на многое. А я боялась, до дрожи в коленях, до невозможности дышать, до...

В общем, я распахнула окно прежде, чем убийца сделал хоть шаг. И замерла, балансируя на краю.

– Не надо!

Тихий, чуть хриловатый голос утонул в городском шуме.

– Остановись! Я все объясню!

Что объяснишь? Что решил отомстить за тычок в кафе? За то, что не извинилась? Знаю ведь, что у вас и за меньшее пальцы отрезают. Или заставляют вспороть себе живот. Мама всегда говорила, чтобы я не слушала чушь и лучше училась... Мама... Ох, я бы что угодно сейчас отдала, я бы даже в Университет, я бы...

– Отойди от окна! – убийца сказал этот так, словно не сомневался, что послушаюсь. И мне захотелось повиноваться! Сделать шаг вперед, перестать чувствовать пахнущий выхлопами и пылью ветер, закрыть окно, отсекая шум...

– Ну же! – поторопил саро. – Не балуйся, все-таки семьдесят второй этаж!

И я шагнула. Прямо в распахнутые створки окна.